

УДК 7.01

М.Э. СУЛТАНОВА, А.Р. ХАЗБУЛАТОВ

*КазНПУ имени Абая, Казахский научно-исследовательский институт культуры***КУЛЬТ ПОКЛОНЕНИЯ РУКОТВОРНЫМ СВЯТЫМ МЕСТАМ У ТЮРКОВ И КАЗАХОВ:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

В статье исследуются некоторые специфические аспекты тюркской культуры поклонения рукотворным сакральным местам. Мы рассматриваем это как часть общей системы почитания природы и обожествления ее творящих сил. На данный момент в Казахстане наблюдается всплеск активности религиозного паломничества и этнического туризма, в рамках которых отмечается всевозрастающий интерес к сакральным объектам, большая часть которых – рукотворная.

С древности такие объекты играли едва ли определяющую роль в формировании космогонических и мифопоэтических концепций тюрков, преломляя и проецируя в их сознание определенное отношение к окружающему его миру, гармонично вписываясь в общую ментальную систему, объединяющую все. Не менее актуально это и сейчас, когда мы восстанавливаем целостность этнической памяти и ищем свое место в глобальном культурно-историческом ландшафте.

Ключевые слова: *культурологический и этнографический контекст, святое место, обычай.*

«Искусственные» или рукотворные святые места всегда неотделимы от природных. Последние могут быть полностью «естественными», без вмешательства человека, однако «искусственные» возникают только там, куда указывают знаки. Поэтому посвященные, умеющие их распознавать там, где их не видят другие, всегда доверяли посланникам иного мира [1, с.92-95].

Животные и птицы в тюркской культурной традиции, являлись посредниками между Средним миром и Небом/Землей (Водой). К примеру, верблюд/верблюдица обладал для кочевников особым статусом. Это животное воплощало Космос и его волю, поэтому в древнем степном фольклоре и современной литературе верблюд – часто центральная фигура, ключ к пониманию тэнгрианской натурфилософии [2]. Стоит вспомнить легендарную крылатую верблюдицу Желмая – архетипический для казахов образ. Ее наездником мог быть только посвященный и обладающий мистической силой (Коркут, Манас, Асан-Кайгы). В погребальных традициях тюрков и казахов еще сравнительно недавно широко использовался обычай хоронить выдающихся людей не рядом с соплеменниками, а там, где остановится могучий верблюд-нар, несущий покойного, и его печальный груз предавали земле там, где животное преклоняло колени. Над захоронением воздвигали мазар и, как правило, в последствие это место становилось объектом паломничества.

Как свидетельствует история, великие события часто начинались на месте, указанном животными или птицами, которых люди в последствии почитали как тотемных. Тюркская генеалогия указывает на прародину тюрков - пещеру Отүкен, располагавшуюся, скорее всего, на Алтае. Именно там Волчица родила Ашину и его братьев, ставших родоначальниками кок-тюрков (небесных тюрков). Унгуртас – знаменитое в Казахстане место силы и исцеления (Алматинская область) стало широко известно после того, как его нынешняя хранительница Бифатима-апа переселилась из Туркестана в село Унгуртас по настоянию Дракона Айдахар-ата, которого она часто видела во сне. Он указал ей это место и велел стать его защитницей [3, с.20]. Святые Мангистау находятся там, где ранее находились особо почитаемые святые и пророки, которых здесь более трехсот шестидесяти. Практически каждый из них был мудрецом, суфием, музыкантом и шаманом. Одна из легенд о Шакпак-Ата говорит о чудесном появлении родника, где мудрец остановился на ночлег. До сих пор это обязательное место духовного паломничества в Мангистау [4, с.18], как и пещера Шакпак-Ата, где он провел остаток дней и воспитал новое поколение суфиев. Подземная мечеть Шопан-Ата по преданию построена на месте, куда упала стрела святого [5, с.411]. Сейчас этот пещерный комплекс – жемчужина религиозного и паломнического туризма международного масштаба. Таких примеров сотни и здесь важен первоначальный импульс к появлению сакральных мест, обустроенных человеком. Если пытаться классифицировать рукотворные сакральные и религиозные объекты, находящиеся на территории Казахстана, то мы увидим, что большинство из них напрямую связано с погребальной обрядностью. Это могилы, захоронения, кенотафы, курганы и мавзолеи, разных эпох от глубокой архаики до современности. Ко второй категории можно отнести места прибывания (жизни) особых людей – посвященных, батыров и народных героев при жизни. Чаще всего это пещеры. Объяснений этому несколько: во-первых, пещеры как природные образования практически вечны; во-вторых, это изначально сакральные природные объекты; в-третьих, «особые» люди, как правило, становились таковыми в процессе целенаправленного духовного саморазвития и/или под влиянием внезапного озарения/осознания (которое на самом деле не такое уж и «внезапное»). Пещера здесь

выступает местом мистической инициации, где неопит, забыв о своей прежней жизни, «рождается» заново в новом духовном качестве из «материнской утробы» – пещеры. Третью категорию образуют разнородные объекты: естественные – деревья, источники/родники и рукотворные – каменные изваяния балбалы и другие подобные сооружения. Мы включили сюда деревья неслучайно: хотя они являются природными объектами, люди часто окружают их маленькими святилищами.

Возвращаясь к теме погребальной обрядности и связанному с этим культу поклонения и паломничества у тюрков и казахов, необходимо пояснить, каковы истоки этого феномена, его природа и современные формы проявления. Ранее мы говорили о семи ипостасях Коркута, где последней является могила [6, с.30]. Могила есть проекция Камня/Земли – сакрального Срединного пространства, предназначенного для смертных. То есть видимая и осязаемая плотная материя. Далее, Могила как Концу всего мирского предшествует ипостась Материнское молоко, а для человека эта бинарная оппозиция образует единое целое - Колыбель. Вот, на наш взгляд, семантический смысл Могилы в тюркской и казахской культурных традициях. В этом контексте почитание казахами могил предков и выдающихся личностей понимается не в привычном эсхатологическом ракурсе. Осмысление Могилы как последнего Приюта, иначе - Дома, обусловило сакральный смысл формы погребального сооружения возводимого над ней. В целом, несмотря на наличие определенных архитектурных нюансов, продиктованных особенностями культурных традиций той или иной местности, мазар как мемориальное сооружение был мини-моделью Космоса [7, с.117-120]. Квадратное (или прямоугольное) сооружение символизировало организованный Срединный мир – пространство человека. Четыре стены ориентировались по сторонам света, это было проекция Земли. Сверху прямоугольник накрывался круглым в плане куполом, символизирующем Небо. Венчавшее купол навершие (встречается не повсеместно в Казахстане) понимается как аналог Мирового Древа, Посох или Стержень, объединяющий (нанизывающий) миры.

Еще с андроновского и скифо-сакского времени место захоронения всегда отмечалось разного рода сооружениями, от предельно простых (каменные насыпи, оградки) до сложных архитектурных сооружений (курганная архитектура с «усаами»). По свидетельствам исследователей, тюркская курганная архитектура характеризовалась не только возведением кургана, но и многочисленных каменных изваяний на восточной стороне. Они располагались вереницей и нередко достигали количества от 50 до 1000 штук [8, с.89]. Каменные балбалы-изваяния (с др. тюркского «балбал» - «пращур», «дед-отец») распространены на гигантских территориях Евразии от ее западных пределов до восточных границ. Есть как минимум три версии происхождения и предназначения балбалов. Суть первой состоит в том, что балбалы устанавливали тюрки у могил своих воинов по числу врагов, убитых самим погребенным. Такой вывод основывается на сведениях китайских официальных хроник, описывающих погребальный обряд тюрков-туго: «Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень, у иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» [9]. По второй версии балбалы есть стилизованные примитивные изображения духов и божеств степняков, и потому их устанавливали на определенных «местах силы», образуя нечто вроде кромлеха. Третья гипотеза объясняет этот феномен как сопровождение культа поклонения предкам – ключевому звену мировоззрения кочевников Центральной Азии. Нам наиболее объективным видится третий подход, хотя все три версии объединяет традиция поклонения и приношения даров.

Традиция подношений или «кормление» балбалов корнями уходит в языческое прошлое. Тюрки унаследовали ее у своих многочисленных и рассредоточенных во времени предшественников – андроновцев, саков, уйсуней, гуннов и т.д. «Подношение балбалу – не акт рабского поклонения божеству, а обращение к памяти предка, своеобразное приглашение его за свой дастархан, единение с ним. Речь идет не о принесении жертв, свойственной некоторым народам, а о привычке делиться с семьей», - уверен историк, писатель и жырау Арман Нурмуханбетов [9]. Средневековый путешественник Гильом де Рубрук занес в свои путевые заметки следующее: «...кыпчаки, воздавая почести ушедшим из жизни известным людям, воздвигают на вершине кургана каменную скульптуру, изображающую человека, держащего в руках чашу, и повернутую лицом к востоку» [10, с.102]. Действительно, балбалы в большинстве своем обращены лицом на восток, туда, где рождается новый день, куда в мир возвращается солнце, изгоняя тьму, даруя тепло и освобождение от ночных страхов [11]. Во время их воздвижения степняки следовали традициям тенгрианства – поклонения Вечному Синему Небу, исконной религии Степи. Одна из граней специфики историко-культурного ландшафта Казахстана заключается в особом синтезе языческих, тюркских и исламских традиций. Несмотря на запреты ортодоксальным исламом идолопоклонства, почитание мест захоронений людей и языческих культов «кормления хозяев» природных сакральных объектов, на территории нашей страны сформировались уникальные условия мирного сосуществования тенгрианства и ислама. На основе архитектурных сооружений средневековой эпохи и устойчивых обычаев поклоне-

ния святым мы наблюдаем «преемственность нового культа святых и их мазаров от древнего культа старцев-аксакалов, непосредственно связанных с почитанием предков, называемых в Казахстане «ата» и «баба». Как и над могилами шаманов, над могилами шейхов возвышаются длинные шести с бунчуками – развевающимися конскими хвостами или знаменами, символизирующими принадлежность погребенных к воинству благих сил. Бродячие суфийские дервиши взяли на вооружение и высокие шапки шаманов и их посохи-погремушки – асатаяки», - сообщает А. Ордабаев [7, с.143]. Несмотря на запреты идолопоклонства, казахи до сих пор делают жартыс (рвут ткань на куски) и привязывают ленты к деревьям или стенам «святых мест» [12, с.202].

На наш взгляд важно разделять понятия поклонения и паломничества. В целом, они похожи и имеют общие корни. И поклонение, и паломничество нацелены на обретение физического здоровья, душевного равновесия и, главное, на получение ответов на некие жизненно важные для каждого человека вопросы. Мы предлагаем рассматривать поклонение как «пассивную» форму культа святых, а паломничество как «активную». Поклонение обязывает к соблюдению определенных условий, но, используя здесь формулировку Р. Генона, это – «способность» [13, с.33]. Люди могут делать это даже не выходя из дома, главное – иметь желание проявить уважение к богам, духам, предкам, содержать дом в относительной духовной чистоте и т.д. Паломничество же – «действие», готовность вступить на Путь Посвящения тогда, когда человек ясно ощутил намерение измениться самому и изменить тем самым судьбу. Прекрасным примером может послужить история появления на свет батыра Алпамыса, героя казахского фольклора [14].

У богатейшего представителя рода конырат, проживающего в благословенной земле Жидели Байсын Байбори и его жены Аналык было все, кроме детей. Отчаявшись, супруги усыновили мальчика Ултана, но не в добрый час, ибо вырос Ултан убогим телом и душой злобным выродком. Никто и ничто не было ему дорого в этом мире кроме богатств приемного отца. В глубокой печали пришла к мужу Аналык и сказала, что все испробовано, кроме одного: им надо совершить паломничество к святому Азрету. И не просто поездку, но тернистый, полный лишений Путь одиноких скитальцев. Байбори, не мешкая, первым делом принес в жертву всевышнему белого барана с загнутыми как луна рогами, затем устроил обильное угощение для всех жителей Жидели Байсын, где поведал им о своей заветной цели и попросил поддержки у соплеменников. Аналык же раздала всем женщинам подарки, оставив себе лишь то, что понадобится для подношений святому. Сопровождаемые благими пожеланиями и добрыми напутствиями народа, супруги пустились в долгий путь. У них был красавец верблюд-бура, навьюченный коврами и дорогими подарками, но ни Байбори, ни Аналык за все почти три луны их путешествия ни разу не сели на своего верблюда. Ведя его в поводу, они стойко терпели все невзгоды дальней дороги. Осунувшись, сбив в кровь ноги, но поддерживая пламя надежды в своей груди, они достигли святой усыпальницы и преклонили там колена. Раздав дары слугам, они провели в молениях семь дней, но не было им никакого знака.

И вот они снова в пути к отрогам великого Каратау. Только вера в чудо поддерживала их, так как в священных горах Каратау каждая скала, каждое озеро, камень и родник носили высокие имена и почитались людьми. Достигнув святилища Баба-Аты – легендарного праотца казахов, почитавшегося в народе не менее святого Азрета, увидели они не роскошный мавзолей, а маленький холмик без памятника, но зато напоминавший детскую колыбель. Доброе это было предзнаменование, и супруги пожертвовали святилищу все оставшиеся ценности, ничего не оставив себе на обратную дорогу. Одолев крутой горный перевал, оказались несчастные на вершине горы и увидели у подножия ее озеро, чистое и сверкающее словно глаз верблюжонка. То был тоже добрый знак. Оглянувшись супруги по сторонам, видят бьет родник неподалеку, а вода в нем теплая как парное молоко. А там где родник берет свое начало растет один-единственный могучий карагач. Устремились путники к роднику, откуда силы взялись? Байбори мчится словно ветер, а Аналык не чувствует боли от хлестающих ее тело и лицо веток. Трепещущая сердцем Аналык, втайне лелея надежду, сорвала с головы белый платок и накрыла им ближайшие кусты. Обнимая каждый куст словно родного человека, шептала она им слова благодарности. Но стало вечереть, и очнулись супруги от сладкого забвения. Решив сложить из диких камней некое подобие жилья для ночлега, изумились Байбори и Аналык: каждый камень, который попадал им в руки, легко ложился в кладку, словно ему там и место. Возведя нехитрое строение и прочтя молитву, впервые с начала паломничества заснули супруги крепким, благословенным сном. И во сне явился им странник в белых одеждах, восседающий на сером осле. Поведал супругам свое имя: Баба-Тукти Шашты Азиз. И звучал его голос гулко словно раскаты грома, словно рождался голос глубоко во чреве земли или же падал с высоты семи небес. Дотронулся Он до супругов своим резным посохом и изрек, что труды и лишения несчастных были ненапрасны, и будет им долгожданный сын-батыр, и будет дочь-красавица, и наречь их нужно именами Алпамыс и Карлыгаш.

В этом небольшом эпизоде, который мы позволили себе пересказать с полным сохранением деталей эпоса, можно найти все сакральные составляющие тюркского мировоззрения: Ветер и Воду, Огонь и Камень, Звук и Могила. Укоренные в культ Природы и традицию паломничества, они наполняли бренную жизнь высоким смыслом Вечности и умением слышать то, что Т. Асемкулов и З. Наурызбаева поэтично назвали «Шепот Тэнгри».

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. - М.: Воет. лит., 2008. - 383 с.
- 2 Абишева О. «Путешествие в край Аруаны». <http://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2013/2013-12/2013-12-9.pdf>
- 3 Билялова Г.Н., Ивлева Н.В., Султанова М.Э. Сакральные места Алматинской агломерации (на примере духовно-оздоровительного комплекса Унгуртас). - Алматы: ОО «OST-XXI век», 2007. - 29 с.
- 4 Задерецкая Н. Мангистау - край преданий и легенд. - Актау, 2008. - 360 с.
- 5 Кондыбай С. Эстетика ландшафтов Мангистау. // Полное собрание сочинений Т.5. - Алматы: Арыс, 2008. - С.284-452
- 6 Наурызбаева З. Вечное Небо казахов. - Алматы: «СаJa», 2013. - 704 с.
- 7 Ордабаев А. Архитектура Казахстана. // История искусств Казахстана: очерки. Т.1. - Алматы: КазНИИКИ, 2003. - С. 101-226
- 8 Насирдинова А.М. Сакральная архитектура кочевого мира (семиотический подход). - Бишкек, 2007. - 199 с.
- 9 Бектурганова В. Каменная поэзия древности. <http://www.uniquekazakhstan.com/ru/content/kamennaya-poeziya-drevnosti>
- 10 Рубрук В. де. Путешествие в восточные страны Плана Карпини и Рубрука. - М., 1957. - С. 102.
- 11 Павлова Ю. Каменные воины Тэнгри. <http://www.uniquekazakhstan.info/ru/attractions/kamennye-voiny-tengri>
- 12 Орынбеков М.С. Предфилософия протоказахов. - Алматы: Олке, 1994. - 208 с.
- 13 Генон Р. Заметки о посвящении. - М.: Беловодье, 2010. - 400 с.
- 14 Алпамыс Батыр. Эпос в пересказе А. Сейдимбека. - Алма-Ата: Жалын, 1981. - 109 с.

REFERENCES

- 1 Raikhl K. Tyurkskiy epos: traditsii, formy, poeticheskaya struktura. - M.: Voet. lit., 2008. - 383 s.
- 2 Abisheva O. «Puteshestvie v kraj Aruany». <http://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2013/2013-12/2013-12-9.pdf>
- 3 Bilyalov G.N., Ivleva N.V., Sultanova M.E. Sakral'nyemesta Almatinskoi aglomeratsii (naprimeredukhovno-ozdotovitel'nogokompleksa Ungurtas). - Almaty OO «OST-XXI vek», 2007. - 29 s.
- 4 Zaderetskaya N. Mangistau - kraipredanii legend. - Aktau, 2008. - 360 s.
- 5 Kondybai S. Estetikalandshaftov Mangistau. // Polnoesobraniesochineniy T.5. - Almaty: Arys, 2008. - S.284-452
- 6 Naurzbaeva Z. Vechnoe Nebo kazakhov. - Almaty: «CaJa», 2013. - 704 s.
- 7 Ordabaev A. Arkhitektura Kazakhstana. // Istoriya iskusstv Kazakhstana: ocherki. T.1. - Almaty KazNIKI, 2003. - S. 101-226
- 8 Nasirdinova A.M. Sakral'naya Arkhitekturakochevogomira (semioticheskiy podhod). - Bishkek, 2007. - 199 s.
- 9 Bekturganova V. Kamennayapoeziyadrevnosti. <http://www.uniquekazakhstan.com/ru/content/kamennaya-poeziya-drevnosti>
- 10 Rubruk V. de. Puteshestvie v vostochnyestrany Plano Karpini i Rubruka. - M., 1957. - S. 102.
- 11 Pavlova Yu. Kamennyevoiny Tengri. <http://www.uniquekazakhstan.info/ru/attractions/kamennye-voiny-tengri>
- 12 Orynbekov M.S. Predfilosofiaprotokazakhov. - Almaty Olke, 1994. - 208 s.
- 13 Guenon R. Zаметки о posvyaschenii. - M.: Belovod'e, 2010. - 400 s.
- 14 Alpamys Batyr. Epos v pereskaze A. Seydimbeka. - Alma-Ata: Zhalyн, 1981. - 109 s.

М.Э. Султанова, А.Р. Хазбулатов. Мақалада түркілік мәдениет көріністерінің қолдан жасалған қасиетті орындарға сыйыну ғұрпының кейбір белсенді тұстары көрсетілген. Біз мұны, табиғаттың күшіне бас июдің бір бөлігі ретінде қарастырамыз. Қазіргі таңда Қазақстанда діни және этникалық туризмнің белсенді дамуы орын алып келеді. Осының аясында, көп бөлігі қолдан жасалған қасиетті орындарға деген қызығушылық дамып келеді.

Мұндай орындар ежелгі заманнан-ақ түркілердің ғарыштық және мифтік поэтикалық тұжырымдама көзқарастарының қалыптасуына, өздерін қоршаған ортаға деген қарым-қатынастарын түсінуге, барлығын біріктіретін ортақ жүйені құрула шешуші рөл атқарғаны анық. Сонымен қатар бұл мәселе бүгінгі таңда да өзекті, жаһандық мәдени-тарихи ландшафтағы өзіміздің орнымызды іздеуде біз тұтас этникалық жадты қайта қалпына келтірудеміз.

Түйін сөздер: мәдени-танымдық және этнографиялық контекст, киелі жер, әдет-ғұрып.

Sultanova M. E., Khazbulatov A.R. This article investigates some specific aspects of the Turkic culture of sacral places worship. We reckon it as a whole system part of nature worship and apotheosis of its creative force. Now in Kazakhstan, we can observe the soaring activity of religious pilgrimage and ethnic tourism and within these expeditions, the expanding interest to the sacral objects is marked. Most of these are artificial.

These objects from the ancient times almost signified the determinative role in Turkic cosmogenic and mytho-poetic conceptions formation, deflecting and projecting to their conscious the definite relation to the outworld, harmoniously entering to the mutual mental system that joined everything. It is so actual nowadays when we re-establish the ethnic memory integrity and find out place in the global cultural-historical landscape.

Key-words: culturological and ethnographic context, sacred place, custom.

Поступила в редакцию 23.07.2015.